

Владимир Рудольфович Соловьев Последний солдат империи. Юрий Дмитриевич Маслюков в воспоминаниях современников

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=611485

*Соловьев В. Р. Последний солдат империи: Юрий Дмитриевич Маслюков в воспоминаниях современников : Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-50107-6*

Аннотация

О Юрии Дмитриевиче Маслюкове не случайно мало написано. В течение двадцати лет нас приучали к мысли о единственно правильном пути, который выбрала Россия и по которому она шла, о гении команды Гайдара и Чубайса и о Борисе Николаевиче Ельцине, указавшем путь демократического развития. Маслюков являлся представителем и идеологом совершенно другого, альтернативного пути. Пути, который был настолько эффективен, четок и разумен, что даже восемь месяцев работы Маслюкова в правительстве в составе великолепной тройки – вместе с председателем правительства Евгением Максимовичем Примаковым и главным банкиром Виктором Владимировичем Геращенко – дали возможность стране выйти из тяжелейшего кризиса, в который ее загоняли более десяти лет, и заложить основы, давшие возможность сохранить военно-промышленный потенциал.

Содержание

Предисловие	4
Глава 1	6
Глава 2	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Владимир Соловьев

Последний солдат империи : Юрий Дмитриевич Маслюков в воспоминаниях современников

Предисловие

Сегодня, когда со страниц газет не сходят сообщения о криминальных войнах, об убийстве Япончика, о ранении Деда Хасана, у молодого поколения возникает ощущение, что в стране нет героев. Олигархи и преступники, теледивы и гламурные персонажи сливаются в бесконечную череду героев ложных, пену истории. К сожалению, зачастую эта пена скрывает от глаз людей настоящих, тот самый хребет, на котором стоит и стояла Россия. Эти люди незаметны и не склонны ко всякого рода внешним эффектам, однако именно они являются теми самыми героями нашего времени, жизнь которых должна стать примером служения родине и осознания своего гражданского долга. Таким был и Юрий Дмитриевич Маслюков, фамилия которого сегодня мало что говорит широкому кругу российских граждан. Но когда во время парада в честь Дня Победы по Красной площади шла военная техника, сидевшие на трибунах специалисты говорили: «А ведь без Юрия Дмитриевича этой ракеты у нас бы не было... Смотри, видишь – идут боевые машины? Это тоже он». И не было практически ни одного военного изделия, чтобы люди не вспомнили о Маслюкове.

К сожалению, я не был достаточно близко знаком с Юрием Дмитриевичем – мы встречались всего несколько раз. Меня в тот момент интересовали некоторые особенности российских космических технологий и деятельность заводов, имеющих к этому отношение. Когда я искал специалиста, способного проконсультировать меня по этим вопросам, знающие друзья в один голос заявили: «Только Маслюков! Человека, который знает лучше, больше, детальнее, чем он, просто нет». Я несколько удивился: «Ну ладно, но где Маслюков и где современные ракетные технологии?» Мне ответили: «Да, ты прав. К сожалению, Маслюкова сейчас там нет, и в этом беда российских ракетных технологий, да и не только их. Маслюков знает все». Я не поверил, попросил перестать рассказывать мне сказки. Не бывает людей, которые знают все! Друзья подтвердили: «Бывает. Это Маслюков».

И действительно, оказалось, что Юрий Дмитриевич непосредственно причастен практически ко всему, что происходило и происходит сейчас в данной отрасли: в качестве конструктора, в качестве директора завода, в качестве руководителя Госплана и члена Политбюро, а впоследствии – в качестве первого вице-премьера правительства России.

Маслюков принимал участие и в восстановлении оборонного завода в Ижевске, и в ликвидации последствий страшной чернобыльской аварии, и в расследовании причин аварии на Саяно-Шушенской ГЭС. Он знал советскую промышленность лучше, чем многие другие. Он – человек-легенда в Индии и Китае: идеи Маслюкова оказались страшно популярны и востребованы в этих странах, их руководители почитали за честь общаться с ним, его портреты висят в самых высоких кабинетах. В Китае Юрия Дмитриевича называли «товарищ Мо». И вот с этим гигантом мне предстояло встретиться.

* * *

К сожалению, большинство современных журналистов предпочитают приходить на интервью неподготовленными. Когда речь идет об областях специфического знания, таких, например, как ракетная техника, это особенно заметно. Поэтому от встречи, на которую я напросился, Юрий Дмитриевич, конечно, был вправе не ожидать многого. Не могу сказать, что я волновался, – просто тщательно готовился. Я понимал, что если этот человек уделит мне хотя бы десять минут – это уже честь. Не потому, что он в свое время занимал высочайшие государственные посты, вовсе нет. Просто я понимал, о личности какого масштаба идет речь.

Маслюков произвел на меня колоссальное впечатление. Высокий, идеально сложенный, красивый мужчина, похожий на античного героя, обладатель огромной физической силы и совершенно нереального, потрясающего интеллекта. Не могу вспомнить, когда еще мне доводилось встречать настолько остроумного, легкого, четкого в формулировках человека – а я в силу моей профессии общался с очень большим количеством людей самого разного рода занятий и общественного положения. Впоследствии Юрий Дмитриевич тоже проникся ко мне симпатией, и хотя немалая разница в возрасте мешала установлению совсем уж дружеских отношений, я был удостоен чести присутствовать у него на дне рождения. Там был весь цвет российского оборонного комплекса, и надо было видеть, какими глазами эти люди смотрели на Маслюкова!

Когда возникла идея сделать фильм ко дню рождения Юрия Дмитриевича, то казалось – ну должен же хоть кто-то в стране сказать о Маслюкове плохо, взять хоть его идеологических противников. Однако таких не нашлось. Все, с кем бы мы ни беседовали, включая Чубайса, Грефа, Примакова, Горбачева, – все говорили о Маслюкове с глубочайшим, невиданным уважением.

Что же это за странный человек?

Глава 1

Как правило, народ не знает, как работает власть, и не знает людей, находящихся во власти. Простому обывателю они представляются – или, по крайней мере, представлялись раньше – такими небожителями, персонажами неизвестной параллельной реальности, бесконечно далекими от нас и в силу этой удаленности воспринимавшимися как некая однородная масса. Как выразилась одна моя знакомая, помогавшая мне в написании этой книги, – шеренга мужчин в одинаковых серых пальто на трибуне Мавзолея. Их имена произносились подряд и звучали в рифму, напоминая какой-то детский стишок: «Делегацию встречали Слюньков, Воротников, Зайков...» При этом нам, людям молодым, они казались старыми и априори не очень умными. Как выяснилось, те, кто пришел им на смену, хотя и были моложе – по крайней мере, выросли вместе с нами, – но не смогли даже на малую толику приблизиться к этим зубрам по уровню профессионализма.

По роду службы я общался и общаюсь со многими людьми, занимающими высокие государственные должности, и не устаю удивляться тому, что даже среди этих облеченных властью мужей Маслюков производил впечатление Гулливера в стране лилипутов. Конечно, и сейчас есть замечательные министры, глубокие, умные. Но Маслюков вообще – человек отдельный.

Всю свою жизнь он отличался удивительным вниманием к деталям, способностью анализировать и оценивать даже те, на первый взгляд незначительные, явления и события, которые, как правило, остаются незаметными для стороннего наблюдателя. В детстве эта его особенность заставляла родителей думать, что мальчик у них растет какой-то необычный. Например, когда ребенок слышал традиционные «страшилки» о дядьке под диваном, он, прекрасно понимая, что подобное невозможно, тем не менее искренне хотел убедиться – а теоретически мог бы дядя поместиться под диван? И маленький мальчик отрабатывал все варианты, внимательно наблюдая и глубоко анализируя происходящее.

Я не знаю, как появляются такие люди. Что это – генетическая мутация? Ведь Маслюков – абсолютный герой эпохи, образец всех агиток. Его биография – это биография обычного советского человека. Родился в Таджикистане, в многонациональной семье. Отец погиб на войне. Сам Юрий Дмитриевич – блестяще образованный инженер-механик, получивший военное и гражданское образование: окончил Суворовское училище, затем Высшее артиллерийское инженерное училище, после которого, не чувствуя в себе призвания к дальнейшей воинской службе, поступил в Ленинградский механический институт. Работал в оборонном комплексе, пройдя путь от инженера до заместителя министра оборонной промышленности СССР. Без всякого блата добился самых высоких постов в государстве: был первым заместителем председателя Госплана, первым заместителем председателя Совета Министров, затем председателем Госплана СССР и председателем Военно-промышленной комиссии Совета Министров СССР. Параллельно с этим поднимался по партийной иерархической лестнице, став в 1989 г. членом Политбюро ЦК КПСС. Избирался депутатом Верховного Совета СССР и депутатом Государственной Думы РФ, где принимал участие в деятельности различных комитетов и комиссий. В 1992 г. учредил Институт оборонных исследований и стал его руководителем, затем, в 1995 г., возглавил думский Комитет по экономической политике. В 1998 – 1999 гг. занимал пост первого заместителя председателя Правительства России при Евгении Максимовиче Примакове.

Он всегда решал свою судьбу сам и отказывался от самых обольстительных предложений, если они шли вразрез с его принципами. Отличался масштабнейшим государственным мышлением и колоссальной скромностью в быту. Очень ценил дружбу, товарищество, семью. Был абсолютно лишен всякой внешней аффектации, но если зыркнет – даже лишних

слов тратить не надо. Не терпел болтунов, при этом не стеснялся осаживать их самым конкретным образом. На заседаниях комиссии Госдумы, когда выскакивающие вдруг из ниоткуда теоретики начинали учить Маслюкова вещам, в которых ничего не понимали, он всегда мог очень вежливо, но твердо сказать: «Простите, но в этом вопросе вы абсолютно некомпетентны». И люди замирали на лету, как мухи, разучившиеся махать крылышками, понимая, что возразить-то нечего – уж больно масштабы личности разнятся.

Человек какой-то совершенно иной силы, иного времени, иной эпохи. Идеальный советский человек. Немодный по нынешним понятиям. За всем этим не сразу виден не просто образ с партийного иконостаса, а настоящий, живой мужчина, любящий, переживающий. Человек, который не только руководил многими важными операциями во время ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, но и получил там немалую дозу облучения. Может быть, поэтому Юрий Дмитриевич и прожил так недолго – слишком много рисков брал на себя.

Есть что-то, что роднит его с Наполеоном, – возможно, любовь к артиллерии, тяга к точным знаниям, ненависть к приблизительным представлениям. По стилю управления он очень походил на другого выдающегося политического деятеля и организатора производства советского времени, Дмитрия Федоровича Устинова. И сам Устинов испытывал к Маслюкову огромную симпатию – наверное, чувствовал, что этот тогда еще совсем молодой человек далеко пойдет, хотя, повторю, ни о каком опекунстве или блате речь не идет.

* * *

Что всегда поражало в Юрии Дмитриевиче Маслюкове и чего так не хватает подавляющему большинству старых и новых политических деятелей? В первую очередь это совершенно невероятный, титанический масштаб мысли. О Маслюкове вспоминают как о человеке, который мог бегло оценить любой проект и либо одобрить его, либо сказать: «Нет, это не пойдет». По воспоминаниям друзей и знакомых, этим Маслюков напоминал Сталина и Устинова: непонятно было, как он приходил к своим выводам, однако всегда оказывался прав.

Я пытался выяснить, как ему это удавалось, и ответ каждый раз был один: благодаря погружению в среду. Это можно сравнить с актерской профессией: хороший актер погружается в роль, тренирует память и зачастую дословно знает весь сценарий, а свою роль – вообще до запятой. Маслюков, попав в среду оборонки, впитывал информацию как губка, постоянно следил за развитием научной мысли и обрабатывал большое количество вариантов задолго до момента знакомства с конкретным предложением. Взяв какую-то тему, он до конца дней не отпускал ее, продолжая читать специальную литературу, отслеживать, наблюдать. В основе его уникальных знаний лежали глубочайшая проработка и феноменально развитая память. Именно благодаря работоспособности Маслюкова и умению пользоваться первоисточниками и сложился этот потрясающий уровень компетентности. Важно и то, что за свою жизнь Маслюкову доводилось вникать в проблемы, связанные с самыми разнообразными областями человеческих знаний, и этот мощный бэкграунд, помноженный на системность мышления, давал ему возможность быстро схватывать в каждом новом вопросе самое главное и выделять приоритетную цель.

В любой области знаний можно выделить несколько уровней подготовки. Первый основан на эрудиции, знакомстве с фактами, сборе информации. Допустим, какие-то сведения можно даже найти в справочниках и энциклопедиях. Но что дальше? Одних фактов мало, необходимо собрать все воедино и сделать выводы, и мы переходим на следующий уровень – рождается механизм формулирования задачи. Пожалуй, именно это умение является основной чертой таких крупных управленцев, как Маслюков. Самое сложное – увидеть

образ будущего, сформулировать целевую задачу по созданию того, о чем даже конструктор еще не имеет ни малейшего представления.

Юрий Дмитриевич умел создать для себя такое видение и описать родившуюся в его представлении картину так, чтобы она однозначно понималась всеми. Естественно, вся эта огромная интеллектуальная работа оставалась незаметной для окружающих, видны были лишь ее результаты, если угодно, вершина айсберга – неожиданные вопросы и точнейшие формулировки, вскрывающие самую суть проблемы. Друзья вспоминают о нем как о блестящем, тонком и умном руководителе. Рассказывали о множестве эпизодов, когда Юрий Дмитриевич потрясал всех справедливостью анализа, смелостью и бесшабашностью.

* * *

Лично для меня Маслюков неожиданно оказался проводником в иную реальность. Собирая материал для публикации, я встречался с политиками и управленцами, период наиболее активной деятельности которых пришелся на советскую эпоху, и фактически последний раз я что-либо читал или слышал о них довольно давно. Оборонкой до этого момента я серьезно не занимался, поэтому мои познания в данной области были крайне фрагментарными. Но когда в кафе либо в офисах я интервьюировал людей, воспоминания которых легли в основу этой книги, после каждой беседы у меня становилось тяжело на душе, и печаль моя не была светла. Я смотрел на еще сравнительно молодых и крепких мужчин – они к тому же и выглядели моложе своих лет, при том что большинству из них было далеко за шестьдесят, а то и за семьдесят, – и поражался живости их ума, высочайшему уровню знаний и феноменальной памяти. На их фоне нынешние министры, депутаты Госдумы и прочие управленцы любого ранга выглядят маразматическими старичками, независимо от того, каков их реальный биологический возраст.

Я беседовал с этими людьми, оставшимися не у дел в силу своего излишнего профессионализма, который в наши дни стал вызывать раздражение, и думал – насколько же богатой должна быть страна, если она так разбрасывается последними солдатами империи. И ведь разбрасываемся мы отнюдь не рядовыми, но генералами и маршалами – главными конструкторами и выдающимися организаторами. Пытаясь найти некий новый потенциал, мы хороним реально существующий уровень профессионализма и отказываемся от таких знаний, от такой глубины экспертизы, от которых ни одна другая страна не может себе позволить отказаться просто так.

Владимир Путин однажды сказал: «Странно, мы же столько научно-технических секретов в свое время из-за рубежа натаскали, что же мы их никак реализовать не можем?» Ответ на этот вопрос не так прост, как кажется. Владимир Владимирович не знал – да, в общем, и не должен был знать в силу своей предыдущей профессии разведчика, – что зачастую в науке информация о результате каких-либо конкретных работ очень важна именно для того, чтобы в дальнейшем не двигаться в данном направлении, поскольку усилия не приведут к желаемым последствиям.

Известен случай, когда талантливый физик, руководивший советскими ядерными исследованиями, в разговоре с Иосифом Виссарионовичем Сталиным с легким пренебрежением отозвался о Лаврентии Павловиче Берии, который, как известно, курировал эти разработки: «Берия, безусловно, способный человек. Если бы он пошел ко мне младшим научным сотрудником, где-то через полгода он, пожалуй, начал бы слегка разбираться в нашей тематике». Ирония ситуации заключалась в том, что Берия оперировал огромным массивом данных, полученных советской разведкой, и прекрасно понимал, каким путем уже не нужно идти. Однако выдающийся ученый не хотел слушать подсказки Берии – собственное эго мешало ему следовать советам, как ему казалось, дилетанта. Нетрудно догадаться, что Берия

на своем месте остался – а вот ученый, конечно, не был подвергнут репрессиям, но и над ядерной темой больше не работал.

* * *

Юрий Дмитриевич рассуждал обо всем, демонстрируя знания, вызывающие у современных менеджеров чувство ненависти и действующие на них, как красная тряпка на быка. Для него был немислим чубайсовский стиль управления, где самое важное – это не инженерные знания и умения, а личная преданность и финансовый бэкграунд. Он был последним из когорты государственных деятелей, считающих по определению ненормальной и невозможной ситуацию, когда конкретным техническим производством руководит финансист, а среди высшего руководства какой-либо отрасли не найдется ни одного человека, имеющего хоть малейшее представление о ее специфике, не говоря уже о том, чтобы знать ее как свои пять пальцев.

Маслюков был способен видеть экономику страны как единое целое и одновременно акцентировать внимание на мельчайших подробностях. Он знал, что происходит на конкретных заводах, причем не только расположенных на территории Российской Федерации, но и тех, что после распада Советского Союза оказались в других странах. Один из сотрудников Маслюкова вспоминал свою поездку с Юрием Дмитриевичем в Таджикистан, на оборонный завод, – и оказалось, что Маслюков детально осведомлен о работе этого завода.

Как же должны были ненавидеть его новые управленцы, считающие, что нет разницы, чем тебя поставили руководить, важны лишь денежные потоки! И к каким глупым, поверхностным и ошибочным решениям приводит это убеждение! Когда Геннадий Андреевич Зюганову потребовалось проанализировать причины аварии на Саяно-Шушенской ГЭС, он, естественно, обратился к Маслюкову. Этой работой Юрий Дмитриевич занимался с упоением, она была ему близка и понятна. Он встречался в Санкт-Петербурге с директорами заводов, выпускающих турбины, вместе они дотошно выискивали возможные неполадки, проверяли вероятность поставки бракованных деталей. Глубина аналитической записки, которую подготовил Юрий Дмитриевич, поражает. А вывод прост и страшен в своей простоте: авария произошла из-за того, что станция не содержалась должным образом.

Говорят, что академик Валерий Алексеевич Легасов, участвовавший в расследовании аварии на Чернобыльской АЭС, увидел и охарактеризовал предпосылки той катастрофы в довольно неожиданном ключе. Главная из них, по мнению Легасова, – несоответствие нравственно-культурного уровня тех, кто управлял станцией «Чернобыль», сложности объекта. Грубо говоря, эти люди опирались не на Толстого и Достоевского, а на таких же узких специалистов, как они сами, и это колоссально снижало уровень их компетентности. Маслюков, который тоже расследовал чернобыльскую трагедию, сделал похожие выводы, отметив резкое падение профессионализма, нарастающую системную некомпетентность, общую разболтанность, отсутствие должных регламентов и их четкого исполнения. И те же обстоятельства сыграли свою разрушительную роль в происшествии на Саяно-Шушенской ГЭС.

Чтобы управлять атомной станцией или, если угодно, той же ГЭС, нужно учиться как минимум лет десять. Существуют специальные тренажеры. На оператора обрушивается огромное количество информации, в которой он должен мгновенно ориентироваться и при необходимости быстро принимать решение. Представьте себе кабину пилота – вокруг множество приборов, показания которых критически важны в каждый конкретный момент времени. Для того чтобы научиться оперативно считывать нужную информацию, придется провести сотни часов сначала на тренажерах, потом в учебных полетах с инструктором, и лишь потом вас допустят к самостоятельному управлению. А ведь электростанция устроена в разы сложнее.

Сегодня некомпетентность, как ржавчина, поразила всю страну. Механистический подход к управлению, непонимание принципов построения и функционирования столь сложных систем, как промышленные объекты, привело к разрушению инфраструктуры, обеспечивающей их безопасность. Так, на Саяно-Шушенской ГЭС инженерные и ремонтные службы, как «непрофильные», подверглись варварскому сокращению и выводу за штат. Но ведь все когда-то приходит в негодность, и надо было вовремя остановиться, отремонтировать станцию, а не душить ее до конца. Результат не заставил себя ждать. Беда в том, что «эффективные менеджеры» считают своей главной задачей не безопасность и устойчивую работу станции – что на самом деле является наиболее важным, – а выкачивание денег.

Можно сделать и еще один вывод: катастрофы на Саяно-Шушенской ГЭС могло не быть, если бы энергосистема страны по-прежнему оставалась единой не только по названию. Геннадий Зюганов, принимавший участие в работе комиссии по расследованию причин аварии, среди главных предпосылок называет тот факт, что «Чубайс разрубил единую энергосистему на множество кусков».

Раньше человек, который следил за приборами и видел, что падает частота, врубил бы один блок на Новосибирской станции, второй на Красноярской, третий на Иркутской, выровнял бы частоту, и все бы стало нормально. А тут ему делать нечего – на Братской ГЭС случился небольшой пожар, вот он и врубил все агрегаты на Саяно-Шушенской. Во-первых, их никогда все одновременно не включали, во-вторых, второй блок был на ремонте и еще не вполне исправен. Ладно, диспетчер видит, что уже все стрелки прыгнули выше нормы. Можно было все отключить, но ведь его главная задача – не остановить алюминиевые производства, на которых олигархи наживают свои миллионы и миллиарды. В результате угробил все. Слава Богу, там пять человек работяг успели подняться в темноте наверх и закрыть плотину, а то бы утопили еще и поселок, где почти десять тысяч человек проживало. Но вся первая смена, семьдесят человек, все утонули.

* * *

Как готовился Маслюков, много рассказывают его друзья и коллеги еще со времен Ижевска. Он никогда не стеснялся говорить на всех уровнях и со всеми, для него никакой роли не играл возраст контрагента, важно было лишь то, насколько он понимает, о чем идет речь, насколько он профессионален. И тут человеку давался полный карт-бланш. Если ты профессионал и понимаешь, что делаешь, тебя выслушают с максимальным уважением. Один из сотрудников Ижевского научно-исследовательского технологического института, много контактировавший с Маслюковым по работе, вспоминает:

В институте я работаю с 1966 г. Пришел как раз в 8-й отдел несколько месяцев спустя после того, как Юрий Дмитриевич стал заместителем начальника отдела автомобилестроения. В то время он занимался строительством автомобильного завода, его оснащением, разработкой технологий. А наш отдел был связан с вооружением, с оружейными заводами, поэтому у нас с ним практически не было совместных вопросов. Но вскоре он был назначен главным инженером института, то есть в сферу его контроля уже попадали все подразделения института, в том числе и наше. Вот тогда нам пришлось достаточно много контактировать – я к тому времени уже был ведущим инженером, начинал самостоятельные работы по нескольким предприятиям, руководил этими работами. Надо было постоянно докладывать о ходе работ, сообщать об организационных проблемах, решение которых было не в нашей компетенции.

У нас с Маслюковым сложились самые хорошие отношения, как у меня лично, так и у других руководителей. Во-первых, в нем была доброжелательность. Он не был над нами начальником – он был старшим. Мы с ним практически одноклассники, и воспринимали друг друга именно так: по возрасту мы равны, а по сегодняшнему положению – нет. Он никогда не кичился этим, но задачи всегда ставил четко, обозначал конечную цель, конечные сроки. Давал время подготовить предложения, внимательно их рассматривал, а после согласования только периодически контролировал ход работ. Вот это было очень характерно в общении с ним. Это был человек, к которому идешь за советом без дрожи в коленях.

Другой ижевский коллега Маслюкова рассказывал, как однажды Юрию Дмитриевичу срочно понадобилось сделать доклад перед высокими инстанциями о состоянии дел на предприятии, которое он курировал. Времени, чтобы как следует подготовиться, не хватало – звонок из министерства поступил неожиданно, а доклада ждали уже на следующий день. Но лететь на совещание и представлять там приблизительные данные – это не по-маслюковски. И решение проблемы оказалось сколь необычным, столь и эффективным.

Работа была интенсивная, многоплановая, много специалистов задействовано, и вот Юрий Дмитриевич вызвал нас и говорит: «Завтра летим в Москву на коллегию. Я буду делать доклад, вы мне должны его сегодня вечером подготовить. Поздно мы не будем задерживаться, летите со мной, в самолете обсудим». И помню, во время полета – а от Ижевска до Москвы часа полтора, может, чуть больше – мы сидели кружком и излагали свои выкладки, свои вопросы, которые были поручено подготовить. Тут же он вносил коррективы, складывал эти бумаги в нужной последовательности. Ну и потом приехали все вместе в министерство. В зале заседаний идет коллегия, Маслюков читает доклад, а мы в предбаннике его ожидаем. Когда он вышел после окончания коллегии, сказал: «Ну ребята, молодцы. Вы меня вооружили той информацией, которая оказалась достаточной и убедительной для того, чтобы этот вопрос был оценен нормально».

Мне запомнился еще один пример его человеческого отношения к людям, которые работают, когда надо, и ночь, и вечер. Мы делали зарубежный объект в Ливийской Джамахирии. Юрий Дмитриевич был тогда в ранге заместителя министра. Необходимо было срочно подготовить материалы для рассмотрения и утверждения экспертизы. Все было уже сверстано, но надо было все еще раз просмотреть, проверить целостность материала, оценить сильные и слабые стороны, прикинуть, как их реализовать. И мы засиделись в московском институте «Проектмашприбор» – тогда он назывался «Союзмашпроект» – до одиннадцати вечера. А прилетели самолетом рано утром, где-то часов в восемь уже в кабине сидели. И куда деваться? Но, оказывается, Маслюков распорядился, чтобы нам забронировали гостиницу в Красногорске, где был учебный центр министерства. Мало того, мы же без ужина остались, так он попросил, чтобы в ресторане для нас организовали ужин горячий, и дал свою машину. Нас увезли туда, поселили, накормили, и уже когда мы вышли из ресторана, сытые и довольные, он звонит: «Ну, как у вас, все там сложилось?» – «Сложилось!» – «Тогда спокойной ночи, завтра увидимся». Вот это качество всегда его отличало как человека. Он всегда помнил, что если он людей нагружает и имеет возможность при этом о них позаботиться, то должен позаботиться.

* * *

У Юрия Дмитриевича были очень четкие взгляды на жизнь и на человеческие взаимоотношения. Никто не осмелился бы назвать его человеком зашоренным: Маслюков всегда действовал абсолютно адекватно ситуации, гибко реагируя на меняющиеся условия, и в то

же самое время ему удавалось строго следовать своим принципам, не поступаться ими, проводить единую линию.

Будучи специалистом высочайшей компетенции, человеком, способным постоянно учиться и познавать, Юрий Дмитриевич был уверен, что самой большой ценностью в стране является квалификация рабочей силы. Он всегда ценил в людях квалификацию, компетентность и порядочность – причем во всех смыслах: порядочность чисто человеческую, порядочность руководителя (сказал – сделал), профессиональную порядочность. Никогда не давил авторитетом, спокойно мог вытерпеть чужой отрицательный ответ, но раз какое-то решение уже принято – не отступал и не сворачивал. Я спрашивал у людей, которые работали с ним: в чем особенность Юрия Дмитриевича как руководителя? Он что, был жесткий? Да нет, ответили мне, нельзя сказать, что жесткий. Он не сюсюкал, мог строго спросить, был требовательным, не терпящим разгильдяйства и необязательности, но при этом очень человечным и увлекающимся. И было у него еще одно великое качество: он всегда ставил вперед не понты, а работу. Заместитель генерального директора Института точной механики и вычислительной техники им. С.А. Лебедева РАН Геннадий Валентинович Савастеев вспоминает:

В конце 1960-х – начале 1970-х гг. Юрий Дмитриевич работал в Ижевске, а я работал в одном из подразделений Министерства среднего машиностроения. Наши руководители решили, что определенные детали для определенных изделий Минсредмашиа могут хорошо и быстро изготовить в Ижевске, и точность и качество изготовления будут достойными. Была разработана конструкторская документация, и я был командирован в Ижевск как рядовой инженер – уточнить технические требования для изготовления этих деталей. Первый, с кем мне довелось столкнуться на этом поприще, был Юрий Дмитриевич Маслюков.

Обычно, выезжая в подобные командировки, мы где-то встречали поддержку, где-то отторжение, где-то непонимание. А здесь Маслюковым был проявлен совершенно неожиданный интерес на чисто техническом уровне. Сразу чувствовалась огромная любознательность и глубина понимания данного механического устройства. Юрий Дмитриевич высказал нам столько предложений, касающихся рационализации изготовления необходимых нам деталей, что, честно говоря, мне пришлось звонить в свою организацию, чтобы рассказать о предложенных изменениях и о том, к чему они приведут.

Герман Оскарович Греф, которому довелось поработать вместе с Юрием Дмитриевичем в правительстве Примакова, отзывался о деловых и личных качествах Маслюкова с колоссальным уважением.

Знаете, честно могу сказать, что я к нему относился с некоторым предубеждением, так как он был членом коммунистической партии. Первое наше знакомство состоялось, когда он был депутатом Думы, а я работал в правительстве, еще первым заместителем министра. И, скажем так, меня впечатлило то, что он был очень интеллигентный по своим манерам и поведению человек. Я еще тогда подумал: надо же, и среди коммунистов есть такие вдумчивые и интеллигентные люди. У меня было очень мало опыта работы с коммунистической фракцией в Думе, но Юрий Дмитриевич тогда явно выделялся. В дальнейшем мне пришлось с ним значительно больше работать, когда он был назначен в правительство, сначала министром, потом первым вице-премьером. И я понял, что это человек абсолютно рыночных взглядов, что в идеологии мы с ним абсолютно не расходимся. И более того, что это человек с громадным опытом понимания, в первую очередь, того, что такое промышленность в стране – и оборонная промышленность в частности.

Это был человек, который абсолютно не страдал высокомерием, или надменностью, или каким-то очень пиететным отношением к собственной персоне. Я бы сказал, что его черта – исключительная мудрость и адекватность, он был очень адекватен. И, пожалуй, очень талантлив в коммуникациях. Даже если его точка зрения очень сильно отличалась, он умел так коммуницировать, что ни у кого не возникало раздражения и желания пойти на конфликт.

И еще надо отдать Юрию Дмитриевичу должное – он умел изменить свою точку зрения под воздействием аргументов. Могу привести пример, в частности, реструктуризации одного предприятия – не буду разглашать конкретное название, – по которому мы с Маслюковым расходились в подходе, в том, что же с ним делать. Он считал, что нужно выделить необходимые ресурсы для того, чтобы обновить основные фонды, создать линию для производства нового типа оружия. Моя же точка зрения заключалась в том, что, конечно, нужно сначала качественно изменить менеджмент. Потому что мы видели, что все последние годы финансовые параметры предприятия ухудшались. И после двух разговоров на эту тему, когда я показал Юрию Дмитриевичу все финансовые выкладки и сказал, что не экономика виновата в сложившейся ситуации на предприятии, а некомпетентные действия менеджмента, он согласился. Его решение было следующим: смена генерального директора как условие предоставления помощи и требование, чтобы новый менеджмент представил планы санации – оздоровления предприятия. И только под это были выделены ресурсы, причем значительно меньших объемов, чем изначально запрашивались.

Причем это только один из подобных моментов, когда у нас вырабатывался какой-то компромисс в подходах к развитию тех или иных предприятий. Строго говоря, ему ведь не обязательно было меня слушать. Он был вице-премьером, я – первым заместителем министра. Частенько так и бывает, мол, я принимаю решение выделить деньги, ваше дело исполнить это решение. И все. Вот такой позиции у него никогда не было.

* * *

Маслюков искал талантливых людей и делал все возможное для того, чтобы они поднимались по служебной лестнице – от директоров предприятий и главных конструкторов и дальше вверх. Наверное, потому что во многом он вспоминал свой собственный опыт – бесценный советский опыт кадрового роста. Да, конечно, ему оказывалась определенная протекция, но это была протекция отдельного типа, та самая, которую можно сравнить с заботой любящего отца о сыне – не пристраивать в теплое местечко, где не дует и не каплет, но поручать самые важные и тяжелые задания и спрашивать строже, чем с любого другого, воспитывая понимание «если не мы, то кто?». И сам Маслюков как раз был из таких.

Он вообще очень бережно относился к кадрам. Здесь уместно вспомнить следующий момент: на закате советской эпохи много говорилось о борьбе с привилегиями, и одним из распространенных мотивов было осуждение так называемой номенклатуры, мол, если тебе повезло попасть в эту управленческую элиту, ты из нее уже не выпадешь, а разве это справедливо? Однако рациональное зерно в такой практике все же было. Представьте себе: человек годами учился, наращивал опыт, поднимался по служебной лестнице и в конечном итоге проявил себя как блестящий директор завода, попал в номенклатуру, его назначили заместителем министра – а он, как говорится, не тянет. В принципе, совершенно нормальная ситуация – у каждого из нас существует свой потолок, границы личной компетентности в той или иной области. И что же теперь делать – разжаловать неудачника в мастера цеха, разом похоронив все его прошлые заслуги? Нет, человеку подбирали аналогичное место директора завода, то есть именно такой участок работы, который наилучшим образом подходил ему по

менталитету и позволял с максимальной отдачей использовать накопленный им опыт, знания и квалификацию на благо государства и общества.

Те, кто работал вместе с Маслюковым, среди его впечатляющих умений называли и способность формировать эффективные рабочие группы для выполнения какого-либо задания. Приходя работать на новое место, Маслюков практически не менял кадровый состав, все оставались на своих местах, за исключением случая, когда он стал первым вице-премьером, – тогда весь секретариат сменился. Однако ему удавалось таким образом реорганизовать и модернизировать структуру, что организация начинала работать совершенно по-другому. Юрий Дмитриевич действовал с удивительной прозорливостью, сделавшей бы честь любому психологу, при том что, разумеется, не имел никакого специального образования в этой области. Он просто внимательно изучал личные дела и пару-тройку раз беседовал с людьми с глазу на глаз. Системный подход и укоренившаяся с детства привычка уделять максимум внимания деталям позволяли сделать верные выводы о способностях потенциальных членов группы, а в результате все замечательно понимали друг друга с полуслова, при том что могли встречаться даже не каждый день, в коллективе не было ни единой распри, каждый раскрывался полностью и с максимальной отдачей.

* * *

Маслюков был человеком, ненавидящим беспорядок, – и здесь опять вспоминается Наполеон. Но Наполеон – великий разрушитель и обладатель гигантского эго. А Маслюков – великий созидатель и человек, начисто лишенный самовлюбленности, но отнюдь не самоуважения. Представить себе, что кто-то мог бы разговаривать с Юрием Дмитриевичем неуважительно, невозможно. Ходят слухи, что однажды на заседании Политбюро из уст Горбачева прозвучало нечто вроде: «Да что вы такое говорите, все должно быть не так, это бред какой-то!» Юрий Дмитриевич вспыхнул: «Это я говорю бред? Ну тогда сами разбирайтесь!» – на стол полетела папка с документами и очешник, который остановился прямо перед Михаилом Сергеевичем, после чего Маслюков повернулся и вышел из кабинета.

После этого Горбачев никогда не позволял себе даже намека на неуважительный тон в беседах с Маслюковым, тем более что идеи Юрия Дмитриевича он очень ценил – хотя, к сожалению, слишком редко, судя по результатам, следовал его рекомендациям. Но мнением дорожил настолько, что неоднократно, прочитав представленные ему записки, звонил глубокой ночью, чтобы еще раз проговорить все детали, убедиться в позиции Маслюкова и выработать собственную. Свою же точку зрения Маслюков высказывал всегда, невзирая на чины и звания собеседников, и делал это весьма аргументированно и очень конкретно, не испытывая никакой потребности разводить политесы. Лауреат Нобелевской премии физик Жорес Иванович Алферов вспоминал об одном из подобных случаев:

Я два раза присутствовал на заседаниях Политбюро, тогда генеральным секретарем уже был Михаил Сергеевич Горбачев. Для меня все это было в новинку. Помню заседание, на котором обсуждались проблемы развития электроники в стране. Поводом для него, кстати, послужило одно странное стечение обстоятельств: в газете «Правда» появилось сообщение, что японцы создали схему с совершенно невероятным, на порядки превосходящим все обычные параметры быстродействием. Естественно, этим заинтересовалось Политбюро. Президентом Академии наук в то время был Гурий Иванович Марчук. Он пригласил академиков Велихова, Валиева, Прохорова, профессора Лихарева из МГУ и меня, чтобы вместе разобраться в происходящем.

Выяснилось, во-первых, что в газете «Правда» была допущена ошибка, в результате чего быстродействие схемы и было указано таким высоким – переверли на несколько поряд-

ков. Во-вторых, сама исходная схема была абсолютно непрактична: она работала при температуре жидкого гелия, что позволяет действительно добиться очень высокого быстродействия, но в реальной жизни малоприменимо.

Тем не менее заседание было назначено, мы на него, естественно, пришли, и каждый высказывал свою позицию, не забывая и об областях, в которых мы сами работали. Хочу сказать, что в итоге заседание оказалось весьма продуктивным, но вот что меня поразило: по большей части говорил только один человек, а остальные предпочитали быстро соглашаться с генеральным секретарем или просто помалкивать. И одним из немногих, кто высказывал свою позицию и отстаивал ее, был Юрий Дмитриевич Маслюков. В тот раз он поддержал наши предложения. В результате были внесены изменения в готовящееся постановление ЦК КПСС и Совета министров по развитию электронной промышленности, и был запущен целый ряд важных и давно назревших проектов.

О том, что Маслюков никогда не шел на поводу у вышестоящего руководства и всегда вырабатывал свою позицию, рассказывал и Артем Андреевич Троицкий, бывший заместителем Юрия Дмитриевича в те годы, когда тот занимал пост председателя Госплана.

Можно многое рассказать о его настойчивости, упорстве в решении вопросов. В 1990 г., когда делался план на 1991 г., была очень трудная обстановка в стране с инвестициями, ресурсами и т.д. Вопрос о проекте плана будущего года рассматривался на коллегии Госплана, шли довольно жаркие споры, в том числе и ваш покорный слуга выступил, и притом очень резко, поскольку ситуация была такая, что инвестиции для развития ТЭКа, на котором, по существу, жила страна – это нефть, газ, электроэнергия и т.д., – были урезаны примерно в полтора раза. Естественно, я, как отвечающий за этот участок деятельности в планировании, очень резко и жестко выступил. Юрий Дмитриевич меня тоже достаточно жестко, но корректно осадил, сказал, что мы с этим потом разберемся, когда сделаем план. Я на это ответил, что потом уже будет поздно разбираться, потому что страна этого не выдержит. Ну и он тоже меня поправил надлежащим образом.

Но на следующий день он собрал соответствующие подразделения Госплана и рассмотрел всю проблему досконально. Убедившись после дополнительных проработок в правильности постановки вопроса, он пошел к Рыжкову, доложил всю обстановку. Однако вообще-то, объективно говоря, стране неоткуда было взять ни инвестиции, ни ресурсы. Для того чтобы как-то поправить дело, нужно было снимать финансирование или с вооружения, или с социальной сферы, или с каких-то других программ, которые уже были под контролем Центрального комитета партии. Рыжков сначала поручил решить вопрос своему первому заму, был такой Лев Алексеевич Воронин, но в конце концов все вернулось к Рыжкову. И все же рано или поздно, под напором Юрия Дмитриевича Маслюкова – да плюс еще подключились министры, – вопрос был решен. Пусть не классическим плановым способом, но цель была достигнута. Топливо-энергетический комплекс в конце концов получил возможность работать так, как этого требовали интересы страны. Вот эта настойчивость всегда отличала Юрия Дмитриевича, ибо многие другие руководители в данном случае чаще всего делали ручки по швам, как приказано сверху. А у него была своя точка зрения, свое мировоззрение, и он умел это отстаивать. И знаете, это не единственный пример.

Однажды Юрию Дмитриевичу позвонили от помощников Горбачева. Сказали, что приехали представители американской фирмы Chevron – это одна из крупнейших энергетических корпораций в мире. Они, мол, готовы разрабатывать наши казахские месторождения – это район Тенгиза, – Михаил Сергеевич рассмотрел их предложение и выразил пожелание, чтобы мы как-нибудь нашли общий язык с этой американской фирмой. Юрий Дмитриевич позвал на переговоры меня и начальника нефтяного и газового отдела. Амери-

канец, Гиффен, кажется, его фамилия, представил нам доклад с картинками – все разукрашено, все прелестно, и прямо завтра страна будет богата, если мы пойдем навстречу этой фирме. «Ну хорошо, – говорит Юрий Дмитриевич, – вы нам материалы оставьте, мы все-таки посмотрим, что и как». И поручил нам все проверить. Мы посмотрели и увидели, что нас просто обманывают, потому как те доходы, которые были бы у Советского Союза на условиях этой фирмы, по большому счету нищенские, а те расходы на геологоразведку и инфраструктуру района, которые мы уже понесли, нам как бы прощались – то есть получалось, что мы задаром работали. Ну, встретились снова с этим господином. Тот говорит, мол, это недоразумение, приезжайте к нам в Америку, мы все расчеты покажем. Что ж, поехали в Америку, убедились: какие бы там расчеты ни были, а правда есть правда. Доложили Горбачеву. Конечно, нам было известно, что Михаил Сергеевич обязательно хотел какого-то контакта и взаимопонимания с американцами добиться через эту фирму, но в конце концов пришлось ему с нами согласиться. Проект тогда приостановили.

* * *

Невозможно было представить, чтобы Маслюков повысил на кого-то голос – в любых обстоятельствах он общался с людьми ровно и открыто. Однако если сотрудник пообещал решить какую-то задачу и не выполнил обещанного, то при обсуждении будущих мероприятий и следующих сроков Юрий Дмитриевич мог тихим, душевным голосом спросить: «Ну, Иван Иванович, вы сами поправите дело или нам уже нужно подыскивать на ваше место кого-то другого?» И всегда давал второй шанс. Впрочем, больше двух раз обмануть его доверие было нельзя. Один из сотрудников Маслюкова по Военно-промышленной комиссии рассказал историю, которая исчерпывающе характеризует эту особенность натуры Юрия Дмитриевича.

У нас есть общий знакомый, который работал вместе с Юрием Дмитриевичем, они неплохо общались, почти дружили. После августовского путча 1991 г. был создан Временный комитет по оперативному управлению народным хозяйством во главе с Иваном Степановичем Силаевым. И вдруг мы узнаем, что этот наш знакомый написал Силаеву записку с предложением ликвидировать ВПК и передать ее функции возглавляемому им отделу.

В 1996 г., когда Маслюков стал председателем Комитета по экономической политике Государственной Думы, тот человек позвонил мне и попросил устроить встречу. Юрий Дмитриевич согласился. Встретились после работы, выпили по чашечке кофе, по стаканчику виски, поговорили о том о сем, тепло распрощались. Мы с Маслюковым остались еще ненадолго, допиваем кофе, докуриваем. Я говорю: «Юрий Дмитриевич, ну и как мы с ним дальше будем работать, общаться?» Он отвечает: «А вот так, как сейчас. Ты помнишь это тяжелое, смутное время после так называемого путча? И помнишь, как он себя повел? Я с такими людьми работать больше никогда не буду. Придет – нальем, обнимемся, поговорим, и пусть уходит».

К судьбе того человека я вернулся в разговоре с Юрием Дмитриевичем в 1998 г., когда он был первым вице-премьером. Обсуждали кадровые вопросы, он спросил, кого, по моему мнению, можно было бы назначить на одну из должностей. Я предположил, что по опыту работы и интеллекту тот товарищ подошел бы как нельзя лучше. Юрий Дмитриевич заметил: «Да, ты абсолютно прав, по опыту работы и интеллекту. Но любая серьезная должность требует определенных моральных качеств и порядочности. Ты помнишь наш разговор в 1996-м? Я с этим человеком работать не буду никогда».

Предательства Маслюков не прощал, и не только личного, но и, скажем так, идеологического – ведь в данном случае человек, если угодно, предал систему управления военно-промышленным комплексом, дело, которому Маслюков посвятил всю свою жизнь.

Глава 2

Может создаться впечатление, что Юрий Дмитриевич был такой человек-камень. Вовсе нет. Он просто был очень счастлив. Он обожал свою работу и очень любил свою семью. С будущей женой он познакомился еще в Ленинграде, в военно-механическом институте, куда Светлана Ивановна поступила на первый курс, а Юрий Дмитриевич – после артиллерийской академии – на третий. На субботнем вечере в студенческом общежитии он сразу подошел к ней и пригласил на один танец, затем на другой, потом на завершающий вальс, потом пошел провожать до комнаты. Так начался их роман.

У него была такая борьба за меня, – вспоминает Светлана Ивановна, – которой я, наверное, и не заслуживаю. За мной ухаживал в тот момент не кто-нибудь, а секретарь комсомольской организации Военмеха. Но Юрию Дмитриевичу, если он чего-то хотел, такие мелочи не мешали совершенно. Друзья мне рассказывали, что они с Володей, скажем так, выясняли отношения из-за меня на чердаке общежития.

Вообще, военно-механический вуз предполагает очень много ребят, а у Юры в группе и вовсе были одни мужчины, группа так и называлась – гвардейская. И почему-то дружили наши ребята военмеховцы в основном с девочками из других вузов, а наших редко выбирали себе в жены. А у нас вот так сложилось.

При всей бедности студенческой жизни и скудости стипендии Юрий Дмитриевич умудрялся очень красиво и с удовольствием ухаживать. Он мог в день стипендии потратить все деньги на поход со Светланой Ивановной в театр: купить билеты в Мариинку, приехать туда на такси, а в перерыве устроить в буфете настоящее пиршество с пирожными, апельсинами и сладкой газировкой. Дарил цветы, которые по ночам попросту воровал на клумбе в Парке Победы – денег катастрофически не хватало, а преподнести любимой девушке букет очень хотелось. И он бился за нее, как настоящий мушкетер. Как-то раз двое хулиганов позволили себе отпустить какое-то обидное замечание в адрес Светланы Ивановны, и Юрий Дмитриевич, человек колоссальной физической силы, прошедший через военное училище, среагировал моментально: два взмаха руками – и два распростертых тела на асфальте.

Незадолго до окончания института у Маслюковых родился сын Дмитрий. Стало понятно, что институт придется заканчивать по очереди: один пишет дипломную работу, второй ухаживает за малышом. Первой за написание диплома принялась Светлана Ивановна, а Юрию Дмитриевичу выпало совмещать «должности» папы и мамы. Ему и это удавалось блестяще: по словам жены, он все делал на пять с плюсом – кормил, купал, укладывал спать, варил кашу и ходил с сыном в детскую поликлинику. Затем Светлана Ивановна с отличием защитила диплом и у Юрия Дмитриевича появилась возможность окончить институт.

Супруги Маслюковы учились на разных факультетах – Юрий Дмитриевич специализировался на стрелковом оружии, а Светлана Ивановна на боеприпасах. И, несмотря на то что к моменту окончания института они были женаты и растили маленького ребенка, они получили распределение в разные города: Светлана Ивановна в Донецк, на завод, выпускающий снаряды, а Юрий Дмитриевич в Ижевск, на оружейный. «Я тогда решила, – рассказывала Светлана Ивановна, – что карьере делать надо все-таки мужу, и придется мне забыть про свои снаряды и ехать вместе с ним в Удмуртию. И мы отправились в Ижевск».

С переездом на новое место бытовых трудностей меньше не стало. В выданном распределении значилось: квартира, ясли, детский сад. Но ни ясель, ни квартиры молодые специалисты не получили. Сначала снимали подвальное помещение в частном доме у какой-то старушки, потом жили в коммунальной квартире рядом с гастрономом – в подъезде посто-

янно топтались пьяницы, за которыми приходилось убирать. Дом был старый, деревянный, с печным отоплением. Зимой все тепло уходило сквозь щели и невозможно было как следует прогреть комнату, водопровод отсутствовал – воду таскали из колонки. Но у них была семья, друзья, любимая работа и огромная любовь друг к другу.

* * *

Они спорили, ссорились, быстро и красиво мирились. Могли за завтраком разругаться в пух и прах, а через пару часов Юрий Дмитриевич звонил Светлане Ивановне: «Мамочка, ты пришла в себя? Прости меня, пожалуйста. Давай пообедаем?» И они шли вместе обедать в кафе или убегали домой.

Наполеон обожал Жозефину, а Юрий Дмитриевич Маслюков обожал свою жену Светлану Ивановну. И, пожалуй, ее судьба была намного счастливее, чем у Жозефины. Когда Светлана Ивановна, женщина потрясающей красоты, обаяния и вкуса, рассказывает о Юрии Дмитриевиче, на ум приходят лучшие образцы мировой классической любовной литературы.

Он всегда очень красиво ухаживал. Вот он установил, что каждый год мы будем отмечать день знакомства – 8 февраля. И мы его отмечали до последнего вздоха. Это были святые праздники – день свадьбы и день знакомства. И отмечали мы их только вдвоем или иногда с невесткой. Никого не приглашали, не устраивали пышных приемов. Мы просто садились за стол, вспоминали и говорили хорошие слова друг другу.

А самый счастливый момент – это было, пожалуй, его возвращение из Парижа. Он был в командировке три месяца. Я его очень сильно ждала, и у нас был такой красивый праздник! Им давали какие-то командировочные, скудные, правда, даже на таком уровне, и, конечно, все экономили, продукты везли с собой, чтобы купить своим родным и друзьям подарки. И Юрий Дмитриевич привез мне синтетическую шубку – модную-премодную, такую еще никто не носил, мне все в Ижевске завидовали. Я ужасно рада была.

Конечно, за мной приударяли какие-то мужички, когда я работала, даже после замужества. Мне было приятно, что я кому-то нравлюсь, это меня как-то тонизировало, стимулировало. Я могла сходить с кем-нибудь кофе попить. И вот сидим мы за столиком, я смотрю на человека и думаю: «Боже, ну что тут общего с моим мужем!» И абсолютно всякий интерес к дальнейшим отношениям тут же пропадал. Сама я Юру никогда не ревновала. Я всегда знала, что он очень искренний, преданный и не бабник, и никогда не ревновала ни к секретаршам, ни к кому-то еще. Бывали на работе девочки и моложе меня, и аппетитней, но я не боялась. Он был выше этих мелких шалостей. Он вообще любил все глубокое и настоящее.

Юрий Дмитриевич часто ездил в командировки – сначала по стране, потом и за границу, и отовсюду писал удивительные письма. Можно было бы просто опубликовать этот эпистолярный роман как образец не только прекрасного, тонкого русского языка, но и поразительной красоты и целомудрия чувств – хотя при этом понимаешь, что страсти кипели абсолютно африканские. Светлана Ивановна хранит их все до единого – аккуратная стопка, перевязанная ленточкой, самым первым уже больше полувека, – и признается, что старается лишний раз не перечитывать: столько любви и нежности в этих письмах, что невозможно удержаться от слез.

Там такие цитаты из Гейне, из Гёте... Это мой капитал. Тут вся моя любовь. Вот он пишет: «Помоги мне, моя родная, родненькая. Ты же в нашей семье самая разумная и лас-

ковая девочка. Если сможешь вырваться в командировку, обязательно приезжай»... Нет, это невозможно читать. Одна теплота и нежность. Конечно, так, как он любил, мало кто умеет.

Знаете, я бы его назвала героем нашего времени. Он по-настоящему наш человек. Наш, и все. Нет больше таких героев. Все эти сопливые романы классические – это все не герои, конечно. Они переживали какие-то узкие бытовые проблемы, но это же несравнимые вещи. Так что с героями из книг его сравнить нельзя. А вот в жизни были такие яркие люди.

* * *

С сыном у Маслюкова всегда были очень теплые и тонкие отношения. Летом, отдыхая в деревне, они могли часами ходить по улице из конца в конец и захлеб разговаривать обо всем на свете, ни на кого не обращая внимания. Светлана Ивановна признается, что ей самой не удалось достичь такого глубокого взаимопонимания с Дмитрием. «Что-то я упустила с самого детства. Думаю, у них так все сложилось, потому что Юра его воспитал с пеленок. Это очень важно. Если родитель не участвует в воспитании с самого раннего момента, он все-таки что-то упускает. А Юра все прошел, все этапы».

Все члены семьи Маслюковых очень любили Ижевск и его жителей, которые резко отличались от москвичей, особенно при первом знакомстве. После переезда в Москву Дмитрий – тогда еще совсем ребенок, семиклассник, – заявил: «Мама, я не буду здесь жить. Здесь люди с московской гнильцой, я уеду в Ижевск», – и слово свое сдержал. Дмитрий учился в МВТУ на кафедре «Колеса и гусеничные машины». Преддипломную практику он проходил в ижевском конструкторском бюро, а после защиты диплома уехал в Ижевск окончательно.

Юрий Дмитриевич уже был членом Политбюро, у нас, естественно, была дача, машина и прочие прибабасы, море обслуживающего персонала, и можно было сына устроить, в принципе, в любое место. Но Дима сказал: «Я хочу как ты». У них с отцом была патологически сильная любовь, редкая, неземная. И сын поехал в Ижевск, жил в общежитии, имея в Москве квартиру и огромную дачу с бассейном. В Ижевске сделали круглые глаза, но приняли его очень тепло, и сын работал в Бюро испытания автомобилей. Он был автомобилист прямо с рождения. Автомобиль его и загубил. Димочка разбился на соревнованиях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.